

ПРАВО, ИСКЛЮЧЕНИЕ, КРИЗИС: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Р. З. РУВИНСКИЙ*

Рувинский Роман Зиновьевич,
кандидат юридических
наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса
Нижегородского института
управления — филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации

В статье рассматриваются диалектические взаимосвязи права и исключительных ситуаций различного рода, правопорядка и социальных кризисов. Выделяются два аспекта нормализации как основного модуса действия права: с одной стороны, зависимость права от регулярности социальных взаимоотношений, с другой стороны — обозначение правом границ поведения субъектов и установление последствий выхода за эти границы. На основе этого делается вывод о том, что право неразрывным образом связано с нормальной, ожидаемой социальной ситуацией, являясь вместе с тем инструментом реагирования на определенные нежелательные для общества явления, выбивающиеся из ритма нормальной, повседневной жизни (например, конфликт, который с социологической точки зрения может быть охарактеризован как нечто негативное, с юридической точки зрения зачастую предстает в качестве вполне ординарного явления). Проанализировав феномен исключений в праве, автор констатирует, что в определенных пределах исключение подчинено норме, включено в поле нормативности. Развивая данную логику, автор предлагает различать исключения, пре-

одолеваемые ординарными средствами правовой системы (такими, как механизм юридической ответственности, государственное принуждение, аналогия в праве, субсидиарное правоприменение), а также исключения как ситуации, либо вообще не предусмотренные действующими нормами права и существующими в рамках правовой системы институтами, либо превосходящие по своим масштабам возможности ординарных правовых средств. Характеризуя последние как кризисные ситуации в праве, автор описывает их как фактические состояния, с которыми связаны значительные риски деформации или разрушения существующего правового порядка общественных отношений, нарушение его логики, структуры, а также системных взаимоотношений составляющих его элементов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: норма, нормативность, правило, правовая система, правопорядок, регулярность, чрезвычайное положение, функции права.

* Roman Z. Rouvinsky — candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Civil Law and Procedure, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration — Nizhny Novgorod Institute of Management.

E-mail: rouvinsky@gmail.com

© Рувинский Р. З., 2017

ROUVINSKY R. Z. LAW, EXCEPTION, CRISIS: DIALECTICS OF THE INTERCONNECTIONS

The article examines the dialectical correlations of law and different exceptional situations, of a legal order and social crises. The author distinguishes between two aspects of normalization as a *modus operandi* of law: on the one hand, the law depends on a regularity of social relations and, on the other hand, it designates limits of agents' behavior and establishes the consequences for violation of such limits.

The author comes to the conclusion that the law is inseparably connected with a normal, expected social situation at the same time being a tool of responding to certain negative and anti-social phenomena which fall out of the normal process of everyday life (for example, a conflict which seems to be something negative from the sociological point of view, is an ordinary situation from the legal viewpoint). Having analyzed exceptions in the law, the author asserts that the exception is subjected to the rule and is included in the normativity field to a certain extent. Developing this idea, the author distinguishes between the exceptions that may be overcome by ordinary means of a legal system (such as a legal responsibility mechanism, state coercion, *analogia legis* and *analogia juris*, subsidiary law enforcement) and the exceptions as situations which are either not stipulated by the existing legal norms and institutions or go beyond the capacities of the ordinary legal means. Characterizing the latter as crisis situations in the law, the author describes them as actual states which may cause considerable risks of deformation or destruction of the existing legal order, social relations, violation of its logics and structure, as well as system interrelations between its constituent elements.

KEYWORDS: norm, normativity, rule, legal system, legal order, regularity, emergency situation, functions of law.

Одной из малоизученных, но, как представляется, актуальных для теоретико-правовой науки проблем, выявляющих регуляторные потенции права, является проблема соотношения юридической нормы и различного рода исключительных ситуаций, правопорядка и чрезвычайного положения. По словам Фредерика Шауэра, одного из признанных экспертов в указанной области, исключения, эта «вездесущая деталь правовой сферы», являются «незримой темой юридической теории»¹. По его мнению, незначительное (по меркам западной юриспруденции) количество публикаций по данной теме связано с трудностью формулирования обобщающих выводов относительно исключений, которые встречаются в большинстве правовых систем практически повсюду². В основном имеющиеся исследования затрагивают вопросы логики норм. Впрочем, менее всего нам хотелось бы повторять уже сделанные обобщения о логическом значении исключений для техники изложения нормативных предписаний. Гораздо более интересными и актуальными в наше беспокойное и становящееся все менее стабильным время представляются вопросы о том, как право соотносится с кризисами различной природы и что вообще может считаться для правопорядка кризисом.

Нормализация как модус действия права: два аспекта. Начать, пожалуй, стоит с банальной констатации того, что право всегда указывает

¹ *Schauer F. Exceptions // The University of Chicago Law Review. 1991. Vol. 58, No. 3. P. 872.*

² *Ibid.*

на определенный социальный *порядок*, считающийся нормальным в соответствующих условиях, описывает качественную характеристику его как должного. Не споря с распространенными в отечественной юридической литературе определениями *правопорядка*, можно было бы добавить, что *правопорядок* выражается в единстве системы исторически сложившихся в обществе, защищаемых государством (или каким-либо иным особым властным аппаратом, «управленческим штабом»³) общественных отношений и разделяемых (добровольно или по принуждению) большинством членов общества нормативных установок, в единстве фактических социальных практик и доминирующей в обществе правовой идеологии, в том или ином качественном состоянии правовых институтов и их социальном авторитете. Даже в наиболее примитивных и неустойчивых своих формах *правопорядок* предполагает определенную регулярность социальных взаимоотношений, наличие определенных признаваемых (добровольно или по принуждению) правил поведения в обществе, а также институтов, отвечающих за формулирование таких правил и контроль за их исполнением. Там, где отсутствуют *регулярность* и ожидаемый характер общественных отношений, где каждый с помощью прямой физической силы может определять для себя правила поведения, не подчиняясь никому и ничему, кроме превосходящей силы (т. е. кроме как перед лицом ничем не опосредованного насилия)⁴, — там нельзя говорить о наличии *правопорядка*. Сама по себе такая ситуация является довольно редкой, выражая крайнюю степень кризиса социальных институтов.

Поскольку право и порядок находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, в качестве одной из основополагающих функций права следует отметить регулирование, упорядочение общественных отношений, придание им определенной формы. Право вносит элемент определенности в многообразие социальной жизни. Оно непосредственно связано с такими понятиями, как справедливость и долженствование, что проявляется с древности во многих юридических текстах. Так, по преданию, древнейший вавилонский законодатель Хаммурапи был призван богами Ану и Эллилем, «дабы справедливость в стране была явлена беззаконным и злым на погибель, дабы сильный слабого не притеснял»⁵. Уже этот фрагмент из правового памятника, относящегося к началу II тыс. до н. э., указывает на роль юридического в конструировании сложного социального образования, каким являлось одно из первых на Земле государств, Древний Вавилон.

³ Управленческий штаб (Verwaltungsstab) — понятие социологии Макса Вебера, характеризующее аппарат политического господства над обществом (см.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2014. С. 488).

⁴ Как писал Жан-Жак Руссо, «уступать силе — это акт необходимости, а не воли; в крайнем случае — это акт благоразумия». О принципиальном различии между правом и силой и о несводимости права к праву сильного см.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре: Трактаты. М., 2000. С. 200-201.

⁵ *Законы вавилонского царя Хаммурапи* // История Древнего Востока. Тексты и документы / под ред. В. И. Кузищина. М., 2002. С. 169.

Здесь вполне отчетливо видно, что закон, представляющий собой в данном случае результат соединения властно-политической силы с устоявшимися в жизни народа религиозно-нравственными представлениями, служит значимым средством *нормализации* общественного быта. Отталкиваясь от данного примера, мы можем констатировать, что право всегда очерчивает некую границу, предел — границы свободы собственных действий индивида, его обязанностей, ответственности, пределы деятельности государства внутри страны и на международной арене и т. п. — и само существует в этих рамках.

Нормализация как модус действия права имеет двойственную природу, на описании которой следует заострить внимание.

Прежде всего, необходимо признать: привычная сфера действия права — нормальный, не прерываемый некими экстраординарными обстоятельствами ход общественных отношений, предполагающий, что субъекты действуют по преимуществу в соответствии с обеспечиваемыми принуждением нормативными предписаниями. Как указывал немецкий правовед Карл Шмитт, «любая правовая норма предполагает нормальное состояние в качестве гомогенной среды, в которой она действует»⁶. Иными словами, норма возникает только там, где имеется возможность охватить общим правилом определенный род регулярных событий, фактических действий и социальных взаимосвязей, о чем совершенно справедливо писал Фридрих Энгельс, рассуждая об обусловленности права материальными условиями жизни⁷. Чем более регулярно взаимодействие членов общества, тем яснее складываются нормы, регламентирующие акты такого взаимодействия. И наоборот, чем более определенный характер имеют нормы, тем выше вероятность действия субъектов в соответствии с их предписаниями.

В конечном счете, если бы мы попытались до крайней степени развить логику сугубо юридического мышления, то в качестве подлинного правового идеала перед нами предстало бы такое состояние общества, при котором точно и неукоснительно соблюдаются установленные соответствующими инстанциями нормы права. Общественные отношения в таком идеализированном представлении точно и исчерпывающим образом описываются нормами, а любые отступления субъектов от установленных правил поведения наказываются в соответствии с санкциями, опять-таки содержащимися в уже заранее известных юридических нормах. В соответствии с таким представлением закон должен править над людьми, охватывая собой все сколь-либо значимые ситуации, возникающие в социальном пространстве. Наилучший закон беспрообен и, опять же — в идеале, должен прямо указывать на требуемые варианты поведения субъектов, сводя к минимуму возможности произвольного его толкования. Совершенные законы — ключ к совершенному общественному устройству,

⁶ Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005. С. 158.

⁷ Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. М., 1961. С. 272.

которое в свою очередь позволяет организовать счастливый быт граждан без каких-либо серьезных потрясений.

Впрочем, столь идеализированные схемы почти всегда бывают весьма далеки от суровой и противоречивой реальности. Не существует ни идеальных законов, ни безупречных социальных укладов, и, пожалуй, трудно найти в истории человечества пример законодательства, не имеющего никаких изъянов и предусматривающего четкие действия государства и его граждан в абсолютно любых, даже критических, ситуациях. Реальность богаче любых заранее выстроенных схем и моделей. Любой закон вынужден действовать в условиях несовершенства общественного устройства, да и самой человеческой природы (вспомним Кантово «Человек по природе зол»⁸), а потому сам по определению не избавлен от определенных недостатков. Будь по-другому — быть может, законы не понадобились бы человечеству вовсе, ведь там, где не существует возможности правонарушения, где все люди могут служить примерами добродетельности, где поступки членов общества всегда и в полной мере соответствуют некоему негласному договору, охватывающей все общество конвенции, там не нужны и законы, а значит, не нужен и аппарат принуждения, коим сегодня в большинстве обществ является государство. Именно эта мысль лежит в основе утопии коммунизма, предполагающей постепенное отмирание (за ненадобностью) государства и права в совершенном обществе без частной собственности, принудительного труда, классов и межклассовой борьбы⁹.

Здесь открывается *вторая сторона нормализации* как модуса действия права. Для постижения ее сути необходимо признать, что потребность в обозначении рамок того или иного поведения, в установлении меры, иными словами, потребность в правовом регулировании (опосредовании) общественных отношений, логичным образом означает осознаваемый обществом (и конкретно — инстанцией, устанавливающей юридические нормы) вред от возможного преступления данных границ, от выхода за эти рамки. Нормативные положения, составляющие законодательство, направлены на охрану определенного порядка, строя, хода общественной жизни. Однако что такое охрана социального порядка, как не ответ на определенные вызовы, ставящие этот порядок под вопрос? Что такое преступление, как не исключительная по своей сути ситуация, требующая вмешательства инстанции, обладающей монополией на принуждение? Преступление — крайний случай, встречающийся гораздо реже, чем те факты человеческого поведения, которые относятся к поведению правомерному. Если бы было иначе, правопорядок в его наличной форме перестал бы существовать и на повестку дня был бы поставлен вопрос о созидании нового общественного строя, с новыми конвенциями и представлениями о норме.

Получается, что *право неразрывным образом связано с нормальной, ожидаемой ситуацией, при этом являясь инструментом реагирования на*

⁸ Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Соч. Т. 6. М., 1994. С. 32–40.

⁹ Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М., 1969. С. 126.

определенные критические (с социологической точки зрения) ситуации, выбивающиеся из ритма нормальной, повседневной общественной жизни. Иными словами, в право как регулятивную систему (а следовательно, и в норму права как исходный элемент этой системы) заложена потенциальная возможность нарушения, конфликта, спора, выхода за рамки того, что признается нормальным в данный исторический момент в данном обществе. Таким образом, право — это то, что, во-первых, очерчивает границу нормального, а во-вторых, придает фактической ситуации такое оформление, которое позволяет этой ситуации развиваться в русле должного, т. е. включает даже конфликтные ситуации, негативное, вредное поведение в поле нормативности. В этой двойственности заключаются глубокое внутреннее противоречие и в то же время глубокая суть правовой сферы, дающие нам ключ к пониманию диалектики соотношения права и кризисов различной природы. Постичь эту диалектику невозможно, не обратившись к проблеме соотношения нормы и исключения.

Норма и исключение. Подступаясь к проблеме соотношения правовой нормы и исключения, придется повторить еще одну банальность: правило и исключение взаимосвязаны. Само понятие исключения логичным образом предполагает наличие некоего общего порядка, правила, нормальной ситуации. Исключение — это всегда исключение из *чего-то, для чего-то, по отношению к чему-то*. Оно не существует самостоятельно, о нем мы говорим лишь в связи с существованием той общей, нормальной ситуации, из которой выбивается исключительный случай. Исключению необходима норма, но и сама нормальная ситуация немыслима без исключения. Если нет (и даже гипотетически не может быть) исключения, то не с чем сопоставлять нормальную ситуацию, и тогда представление о нормальном и должном превращается в пустую абстракцию. Именно в этом смысле принято говорить, что «исключение подтверждает правило», и именно здесь представляется возможным процитировать Жан-Кристофа Лё Кустюмера, профессора Университета Руана: «Исключение... является радикальной оппозицией норме, тем, что не может быть включено в поле нормы. Но исключительное — это также то, что изнутри самой нормы выходит за пределы материального правила, заложенного нормой»¹⁰. Получается, что элемент исключительного в том или ином объеме, в том или ином виде уже латентно присутствует в норме. Это указание, которое может оказаться полезным в распутывании диалектики взаимоотношений между правом и исключительной ситуацией.

Согласно воззрениям К. Шмитта, исключение в неменьшей степени, чем норма, относится к области юридического: «Утверждать, что исключение якобы не имеет юридического значения и потому представляет собой “социологию”, значило бы использовать схематическую дизъюнкцию “социология/учение о государстве” слишком приблизительно. Исключение невозможно подвести под более общее понятие; ему нельзя придать вид

¹⁰ *Le Coustumer J.-C.* La norme et l'exception. Réflexions sur les rapports du droit avec la réalité // Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux. 2007. No. 6. P. 19.

всеобщности, но вместе с тем оно с абсолютной чистотой раскрывает специфически юридический формальный элемент, решение»¹¹.

Шмитт использует понятие исключения для развертывания своей децизионистской (т. е. покоящейся на *решении*) концепции правопонимания и суверенитета. Определяя суверена как фигуру, принимающую решение о чрезвычайном положении¹², он отводит исключительному случаю, выступающему в качестве основания введения чрезвычайного положения, роль конститутивного момента, раскрывающего подлинную суверенную власть.

По концепции Шмитта, исключение как таковое принципиально не поддается формально-юридическому, нормативному описанию: «Невозможно не только указать с ясностью, позволяющей подвести под общее правило, когда наступает случай крайней необходимости, но и перечислить по содержанию, что может происходить в том случае, когда речь действительно идет об экстремальном случае крайней необходимости и его устранении»¹³. Это исключение, исключение в одной из его наиболее крайних форм — в форме необходимости, ставящей существующий конституционный порядок на грань гибели, — мыслится Шмиттом в качестве парадоксального феномена, приостанавливающего действие норм, права и правопорядка как таковых, но одновременно способного выявить силу государственного авторитета и утвердить правопорядок. Оно становится тем экзистенциальным моментом, который требует от суверена принятия экстраординарных мер (введения чрезвычайного положения), выходящих за рамки формальных правил и полномочий. Эти меры означают не что иное как «приостановление действия всего существующего порядка» — ситуацию, когда «государство продолжает существовать, тогда как право отходит на задний план»¹⁴.

В рамках политико-правовой философии К. Шмитта, таким образом, исключение играет неоднозначную, хотя и очень важную роль. Находясь за рамками права, оно тем не менее не является к праву безразличным, выявляя истинный потенциал государства и — можем предположить — даже способствуя реконструкции правопорядка, его переутверждению. Исключение оказывается своего рода «моментом истины», в котором опознается фактический суверен и становится ясной дееспособность государственно-правовых институтов.

Итак, исключение и норма — явления, находящиеся в противоречивой взаимосвязи. Нам стоит со всей серьезностью отнестись к словам Шмитта об исключении, но при этом сейчас необходимо несколько дистанцироваться от его определений, поскольку речь в них все же идет о вполне конкретном понимании исключения, а именно о конституционных кризисах, ставящих под вопрос дальнейшее существование государства, политической системы и общества как некоего единства. Исключения в праве все

¹¹ Шмитт К. Политическая теология: Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология: сб. М., 2000. С. 25–26.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 25.

же не исчерпываются такого рода ситуациями, а потому представляется необходимым посмотреть на проблему несколько более широко.

Выше уже говорилось о том, что право по самой своей природе предназначено для устранения, разрешения, сглаживания конфликтов. В сфере правового сталкиваются интересы, мнения, притязания, воля различных субъектов. Таким образом, конфликт, который с социологической точки зрения может быть охарактеризован как нечто негативное, нежелательное, с юридической точки зрения зачастую предстает в качестве вполне обыкновенного, ординарного явления. Поведение людей бывает правомерным, но бывает и неправомерным, и на этот случай нормативная система располагает вполне определенными инструментами: факт совершения правонарушения приводит в действие механизм юридической ответственности, а возникший риск причинения вреда охраняемым общественным отношениям минимизируется применением предупредительных мер государственного принуждения (проведение проверки, направление предписания, введение карантина, арест имущества и т. п.). Иными словами, диспозиция практически любой нормы в определенных границах предполагает выход за рамки того, что ею предписывается в качестве обязанности или запрета; правила зачастую заранее предусматривают возможность отступления от них, возможность исключений из общего порядка, основанного на преимущественно правомерном поведении субъектов.

Получается, что норма и исключение не только связаны друг с другом; в определенных пределах исключение подчинено норме, *включено в поле нормативности*, а потому признается правопорядком в качестве юридического факта, т. е. служит одним из звеньев в модели регулируемых отношений. Такого рода факты можно было бы определить в качестве «неисключительных исключений», хотя, разумеется, данная формулировка представляет собой оксюморон.

В то же время отдельные авторы даже указывают на существование так называемых юридических исключений, закрепляемых в нормах права. Например, по мнению С. Ю. Суменкова, «юридические исключения — это допускаемые правовыми нормами и закрепленные в них, отличные от общеустановленных правил положения, реализуемые уполномоченными на то субъектами при определенных условиях»¹⁵. Тем самым подчеркивается, что сами правовые нормы могут предусматривать ситуации, регулируемые иначе, нежели это установлено общим порядком¹⁶. Впрочем, в таком

¹⁵ Суменков С. Ю. Норма права как выражение юридических исключений // Российский юридический журнал. 2009. № 2. С. 18.

¹⁶ Примерно к этому же направлению мысли можно отнести диссертацию И. А. Муравьева, в которой под законодательными исключениями понимаются закрепленные правовыми нормами изъятия, ограничения либо расширения содержания общенормативных правил (Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника): автореф. дис. ... к. ю. н. Н. Новгород, 2009). К сходной позиции склоняется и профессор конституционного права Университета Люксембурга Люк Хойшлинг, рассматривающий категорию исключения в праве как синонимичную понятие «отступление от общего правила» (Heuschling L. Qu'est-ce que, en droit, une «exception»? // La norme et ses exceptions: Quels défis pour la règle de droit? Bruxelles, 2014. P. 45–85).

контексте неясным остается вопрос о том, чем юридические исключения отличаются от норм *jus singulare* (специальных норм), известных юриспруденции еще с античных времен.

В рамках данного исследования мы должны с однозначностью отказаться от употребления слова «исключение» применительно к нормам права и в том числе к нормам *jus singulare*, являющимся, по выражению русского дореволюционного правоведа М. Н. Капустина, лишь средством «примирения между жизненной правдою и строгим правом»¹⁷. На наш взгляд, исключение *stricto sensu* — это всегда некая фактическая ситуация, ставящая под вопрос текущий правовой порядок вообще и отдельные существующие правила поведения в частности; ситуация, заранее не «запрограммированная», даже нежелательная, с социологической точки зрения чаще всего выступающая в качестве негативного явления, однако и не безразличная к праву, т. е. имеющая определенное юридическое значение. Это всегда *факт*, находящийся в определенной связи с нормой, но не охватываемый ею до конца, в полном объеме, до предела, целиком.

Значительная масса такого рода исключительных ситуаций не представляет особой проблемы. Например, потенциальная возможность преступления, которое вполне можно признать исключением из нормального порядка¹⁸, требующего от субъектов общественной жизни вести себя правомерно, уравнивается принципиальной неизбежностью наказания, назначаемого по указанию нормы и в соответствии с определенной, заранее установленной процедурой. Коллизия норм, которая также, несомненно, является исключительной ситуацией в праве, разрешается в соответствии с выработанными наукой и практикой юридико-техническими правилами и приемами. Законодательные пробелы, выступающие в качестве нежелательных и неординарных ситуаций в процессе правоприменения, преодолеваются посредством правотворчества, использования толкования по аналогии (*analogia legis* и *analogia juris*) или субсидиарного применения норм права. И так далее...

Существуют, однако, ситуации, которые являются в полном смысле слова экстраординарными для нормативной системы. Это либо ситуации, вообще не предусмотренные действующими нормами права и существу-

¹⁷ Капустин М. Н. Теория права (Юридическая догматика). Т. 1. М., 1868. С. 98.

¹⁸ Наиболее ожидаемым возражением на данный тезис, вероятно, могла бы стать отсылка к позиции Ганса Кельзена, для которого нарушение того или иного правового предписания ни в коей мере не являлось чем-то исключительным. По мнению Кельзена, правонарушение — не что иное, как условие, предпосылка права, оно «не есть фактический состав, находящийся вне права и противостоящий ему, но... напротив, это фактический состав, существующий внутри права и определяемый им» (Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб., 2015. С. 148). Как можно заметить, отчасти данное утверждение совпадает с ранее изложенным нами тезисом о включенности неправомерных деяний в нормативное поле, однако Кельзен отказывается признать их в качестве исключений или нарушений правопорядка. На наш же взгляд, недостатком такой позиции, логичной в рамках строгого нормативистского подхода к правопониманию, является то, что она упускает из виду реальный негативный эффект, который правонарушения создают в обществе. Эффект этот, к сожалению, не может быть полностью нейтрализован даже при помощи самого совершенного правоприменения.

ющими в рамках правовой системы институтами, либо ситуации такого неожиданного масштаба, который делает невозможным эффективное действие ординарных правовых средств¹⁹, превосходя возможности правовой системы и подрывая тем самым правопорядок. Например, в большинстве современных государств законодательство предусматривает порядок реагирования уполномоченных органов и должностных лиц на такие события, как массовые беспорядки, попытки насильственного свержения конституционного строя, вооруженные мятежи и т. п. За совершение указанных деяний установлена уголовная ответственность, однако время от времени в разных точках земного шара именно беспорядки и народные волнения становятся причиной падения некогда стабильных режимов и разрушения существующих правопорядков. Причина кроется в том, что реальный факт может оказаться гораздо сложнее и мощнее любых нормативных схем и моделей: в таких случаях витальная сила фактического прорывает все заранее установленные ограждения и ограничения, все предупредительные меры, которые выстроены в рамках существующего правового порядка.

Обобщенно все ситуации такого рода — как совершенно внешние по отношению к правовой системе, так и такие, которые лишь превосходят пределы ее возможностей, — можно именовать *кризисными ситуациями в праве*.

Кризисы в праве. Кризисные ситуации в праве — это фактические состояния, с которыми связаны значительные риски деформации или разрушения существующего правового порядка общественных отношений, нарушение его логики, структуры, а также системных взаимоотношений составляющих его элементов, и преодоление которых ординарными средствами правовой системы существенным образом затруднено.

Будучи прежде всего явлениями социального, фактического плана, кризисы в праве всегда обладают определенными *социальными предпосылками*, в отрыве от которых рассматривать их не имеет никакого смысла. Зачастую бывает довольно-таки трудно отделить кризисное состояние правовых институтов от кризисов экономического или политического происхождения, кризисов культуры. Видимо, именно в связи с этим исследование кризисов правовой сферы обычно находится в тени рассуждений о специфических чертах *права в периоды кризисов*²⁰. Накапливаясь, негативные социальные предпосылки формируют определенные *кризисные тенденции*, т. е. склонности тех или иных правовых институтов к деформации, вырождению²¹. Так, одной из кризисных тенденций, охва-

¹⁹ Под ординарными средствами (или инструментами) правовой системы здесь и далее понимаются правовые институты, а также юридико-технические приемы и средства, целиком находящиеся в поле нормативности и рассчитанные на использование в ожидаемых условиях правоприменения, т. е. при нормальной в целом социальной обстановке.

²⁰ В качестве блестящего примера такого рода исследований см.: Gross O., Ni Aoláin F. Law in Times of Crisis. New York, 2006.

²¹ В отличие от Н. А. Власенко, определяющего кризисные явления в праве как «тенденции негативного характера, накапливающиеся и в силу этого представляющие опасность уничтожения основного качества права — регулятивных свойств» (Вла-

тивших правовые системы современных государств, ученые называют гиперюридизацию общественных отношений, т. е. появление избыточного законодательства²², приводящее к утрате правом своего авторитета и регуляторного потенциала.

Помимо социальных предпосылок, структура любого кризиса в праве включает в себя определенную *динамику его протекания*, а также *последствия*. Динамика протекания кризиса в праве представляет собой его процедурную характеристику; последствия — фактический результат развития того или иного негативного для правопорядка явления. Кризисная динамика может включать ряд стадий (этапов) его развития, в упрощенном виде это: а) латентный (скрытый) период назревания, накапливания негативных тенденций, б) острая фаза протекания кризиса, в) этап преодоления, смягчения кризисного состояния. Динамика протекания кризиса в праве внутренне связана с *логикой его развертывания*, под которой можно понимать обусловленные социальными предпосылками, а также волевыми действиями соответствующих субъектов (нормотворческих и правоприменительных органов, граждан, общественных объединений и т. д.) вероятностные направления протекания кризиса. Логика развертывания кризиса всегда включает в себя фактический и потенциальный элементы, в динамике же воплощается факт — возможность, ставшая действительностью.

Классификация кризисов в праве может учитывать различные их характеристики. Так, по последовательности проявления кризисы в праве могут быть кризисами-причинами и кризисами-последствиями, причем последние всегда относятся к вторичным (последующим) кризисам, тогда как первые могут быть кризисами первичными (первоначальными, инициальными). Первичные кризисы всегда связаны с определенными социальными предпосылками, но среди этих предпосылок отсутствуют либо, по крайней мере, не являются определяющими факторы юридического характера (например, резкое ухудшение общей социально-экономической ситуации в стране влечет за собой скачкообразный рост правонарушений и массовое распространение правового нигилизма). Вторичные кризисы возникают под действием предшествующих им кризисов в праве и представляют собой результат развития негативной логики последних (например, ситуация делигитимации власти в глазах населения как следствие кризиса представительных и/или судебных органов власти).

По характеру протекания кризисы в праве могут быть подразделены на одиночные кризисы и кризисы — цепные реакции. Одиночные кризисы представляют собой отдельные негативные ситуации, которые удалось

сенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43), мы предлагаем рассматривать кризис в праве как факт. В то же время выявление негативных тенденций, несомненно, имеет важное значение для правильного диагностирования и преодоления кризисов правопорядка и правовой системы.

²² Pamparacuato Martín J. En torno a la crisis del derecho // Revista de Derecho Político. 2015. No. 92. P. 169–171; Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению. С. 47; Толстик В. А. Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции? // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 760.

тем или иным образом своевременно погасить и которые не привели к иным кризисным явлениям внутри правопорядка (так, кризис верховной власти, ее нелегитимность в определенных условиях могут быть преодолены посредством проведения новых выборов и мирного отстранения от управления прежних должностных лиц). В отличие от одиночных кризисов кризисы — цепные реакции могут быть охарактеризованы как такие фактические ситуации, при которых одно кризисное явление влечет за собой другое, а то, в свою очередь, становится причиной третьего, и т. д. Это наиболее опасные и, пожалуй, наиболее часто встречающиеся кризисные явления в праве.

По масштабам кризисных явлений допустимо выделять общие кризисы, затрагивающие все элементы правовой системы и выражающие крайнюю степень деградации правопорядка, и кризисы, наблюдаемые в рамках отдельных элементов правовой системы. К последним можно отнести кризисы системы норм права, кризисы государственных и правовых институтов (например, судебной системы или законодательной власти), кризисы юридической практики, кризисы правосознания.

Ценным представляется подход Н. А. Власенко, с позиций природы кризисов в праве подразделяющего их на органические (системные) и собственные (внутренние), относя к первым явления, тесно связанные с кризисным состоянием различных сфер общественной жизни, а ко вторым — кризисные явления правового характера, не имеющие жесткой прямой зависимости от иных элементов социальной надстройки²³.

Учитывая невозможность в рамках одной статьи подробно охарактеризовать каждую из разновидностей кризисов в праве в соответствии с изложенными подходами к их классификации, представляется необходимым обратить внимание на некоторые наиболее значимые из них.

Одной из наиболее распространенных и опасных разновидностей кризисных ситуаций в праве является ситуация *конституционного кризиса*. Конституционные кризисы неоднородны, их причинами могут выступать различные факторы, а их содержание и особенности протекания зависят от множества параметров. Среди основных сценариев конституционных кризисов могут быть названы конфликты между отдельными ветвями (между законодательной и исполнительной властью, между президентом и правительством) верховной государственной власти по поводу распределения тех или иных полномочий, конфликты между органами центральной власти и регионами, продолжительная невозможность (в связи с теми или иными обстоятельствами) сформировать законные институты власти и т. д. Сразу несколько из перечисленных сценариев можно было наблюдать в России в период ее постсоветской истории. Так, конфликт 1992–1993 гг. между президентом Б. Н. Ельциным и подконтрольным ему Правительством, с одной стороны, и Верховным Советом России, с другой стороны, вылился в кровопролитные вооруженные столкновения в центре Москвы, привел к коренной трансформации конституционной системы и принятию нового

²³ Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению. С. 43–44.

основного закона. К характерным конфликтам, проходящим по линии противостояния центральной и региональной власти, безусловно, можно отнести вооруженный конфликт в Чечне, развернувшийся после объявления в ноябре 1991 г. независимости Чеченской Республики Нохчийчоь (позднее — Чеченская Республика Ичкерия)²⁴ и в форме периодически возобновлявшихся военных действий и контртеррористических операций продолжавшийся до 2009 г. Что касается невозможности в течение продолжительного периода времени сформировать законные институты государственной власти, примером здесь может служить Республика Сербия, не имевшая законно избранного президента с конца декабря 2002 г., когда истек срок полномочий президента Милана Милутиновича, до июля 2004 г., когда с четвертой попытки президентские выборы были признаны состоявшимися и главой государства стал Борис Тадич.

Указанные негативные ситуации, несомненно, относятся не только к правовой, но и к политической сфере, однако для правопорядка они имеют не меньшее значение, чем для политической жизни общества. Этому имеется несколько объяснений. Во-первых, большинство кризисов подобного рода (и в том числе ситуации, изображенные в приведенных примерах) связаны с несовершенством либо неоднозначностью норм законодательства, допустимостью его противоречивых толкований отдельными субъектами. Во-вторых, чаще всего такие кризисные ситуации относятся к категории кризисов-причин и даже кризисов — цепных реакций, так как влекут за собой целый ряд вызовов и деформаций правового порядка и правовой системы. Наконец, подобные негативные ситуации в подавляющем большинстве случаев являются отражением упадка или, напротив, незрелости правового государства, т. е. связаны с гораздо более широкой конституционно-правовой проблематикой.

Кризисы конституционно-правовой природы, помноженные на ситуацию фактической нелегитимности действующей власти, в наиболее крайних своих проявлениях способны приводить к государственным переворотам, восстаниям и мятежам. В таких случаях правительство, утратившее доверие населения и не способное более эффективно опираться на потерявшие авторитет нормы законодательства, оказывается в чрезвычайно узком поле возможностей: ему остается лишь полагаться на грубую силу, и если силы этой по каким-то причинам недостаточно для подавления разбушевавшейся народной стихии, государственный строй рушится, погребая под собой и прежнюю господствующую элиту, и действовавшие ранее нормы поведения, и вообще весь существующий политический и правовой порядок. Это сценарий, не единожды описанный философами прошлого, повторявшийся много веков и повторяющийся с незначительными изменениями сегодня.

²⁴ Подробную предысторию и описание самого конфликта см.: *Дмитриевский С. М., Гварели Б. И., Челышева О. А.* Международный трибунал для Чечни: правовые перспективы привлечения к индивидуальной уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике: в 2 т. Т. 1. Н. Новгород, 2009. С. 87–165.

Как отмечалось выше, кризис может охватывать не только отдельные государственно-правовые институты, но даже целые системы права. *Кризис системы права* представляется вполне уместным определить как состояние, при котором система права в единстве составляющих ее элементов оказывается неспособной реализовывать стоящие перед ней задачи, т. е. как такое состояние, при котором нормы права обнаруживают свою неадекватность реальным общественным отношениям, неспособность служить в качестве действенного средства разрешения социальных конфликтов либо используются в целях, далеких от изначально декларированных устанавливавшими их нормотворческими субъектами. Например, система международного публичного права переживала состояния глубокого кризиса в годы Первой и Второй мировых войн; кризисом с уверенностью можно назвать и состояние этой системы в последнее десятилетие, ознаменовавшееся военными интервенциями США и их союзников в Югославию, Ирак и Ливию, вопросом международного признания Республики Косово, Южной Осетии и Абхазии, вооруженными конфликтами в Донбассе и Сирии.

Отдельно, пожалуй, стоит упомянуть *кризисы правосознания*. Относясь к кризисам правовой сферы, они связаны с куда более широкими проблемами морально-нравственного и религиозного сознания²⁵. Основными симптомами кризисов правосознания являются массовое распространение правового нигилизма, резкая и необратимая инфляция правовых ценностей, утрата правом своего авторитета в глазах членов общества, вопиющая неадекватность господствующей в стране правовой идеологии и типа правового мышления потребностям социального развития. Поскольку правосознание тесно связано со всеми видами правовой активности, включая правотворчество и реализацию норм права, такого рода кризисы обычно сопровождаются проблемным состоянием самых различных элементов правовой системы, влекут за собой недоверие населения к существующим органам государственной власти, к праву и государству как таковым. Наметившийся кризис общественного правосознания — первый признак деградации правопорядка, первая ласточка будущего разрушения государства. Подобные кризисы похожи на снежный ком: за сравнительно короткие сроки они обрастают все новыми и новыми проблемами, и существующий порядок уже не в состоянии функционировать в прежнем, свойственном здоровому организму режиме.

Возможных вариантов проявления кризисных ситуаций в праве множество. Поскольку, как уже было отмечено выше, в качестве кризисов могут выступать ситуации негативного характера, вообще не предусмотренные действующим правом, исчерпывающий перечень такого рода

²⁵ Повышенное внимание к кризисам правосознания, рассматриваемым в контексте деформаций нравственного и религиозного сознания общества, отличало представителей русской дореволюционной и эмигрантской философской мысли — И. А. Ильина, П. А. Сорокина, Е. Н. Трубецкого и др. (см., в частности: *Ильин И. А. О сущности правосознания*. М., 1993; *Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика*. М., 2006. С. 880–883; *Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права*. М., 1917. С. 58).

явлений попросту невозможен. Некоторые кризисы в течение продолжительного времени могут протекать в латентной форме. Возможно даже, что о ряде нежелательных для правопорядка состояний мы не задумываемся как о кризисных явлениях, поскольку они уже стали для нас привычными. Это еще раз подтверждает необходимость тщательного анализа как феномена кризисов в праве вообще, так и конкретных кризисных тенденций, имеющих место в юридической сфере, ведь правильная диагностика недуга — необходимое условие его профилактики и лечения.

В предисловии 1978 г. к очередному изданию своей знаменитой «Диктатуры» Карл Шмитт отмечал необычайно возросший исследовательский интерес к проблеме исключительной ситуации в праве. По его мнению, это отвечало «динамике развития, в ходе которой чрезвычайные и кризисные ситуации стали интегрирующими и дезинтегрирующими компонентами *аномального промежуточного состояния* между войной и миром»²⁶. С момента написания этих слов прошло уже почти четыре десятилетия, однако теория соотношения права и исключения, правопорядка и кризисов различной природы до сих пор полна «белых пятен». В последние годы эта, без сомнения, серьезная тема возвращается в юридическую науку, что, очевидно, связано с общим усложнением социальной обстановки, в которой мы живем. Препятствием не только к объективному изучению данной проблематики, но даже к постановке соответствующих вопросов до сих пор, вероятно, являлось достаточно упрощенное понимание права как универсального антиконфликтного и антикризисного инструмента.

Действительно, право — это регулятивный механизм, направленный на преодоление социальных конфликтов и противоречий. В то же время необходимо понимать, что право как средство компромисса является социальным явлением и имеет социальную природу, а потому так же, как и само общество, подвержено негативным деформациям. Хотя право включает часть конфликтных, нежелательных для общества ситуаций в поле нормативности (т. е. представляя их в качестве элементов своего регулятивного механизма, встраивает их в нормальный порядок), некоторые фактические ситуации превосходят его возможности, становятся серьезными вызовами для правопорядка и, при определенных условиях, способны этот порядок обрушить. В таких ситуациях речь может вестись не только и не столько о специфике правового регулирования в условиях социальных кризисов, сколько о кризисах самого права.

Представленная теоретическая перспектива ведет нас к целому ряду взаимосвязанных теоретико-правовых вопросов. Возможны ли некие экстраординарные меры для преодоления кризисов в праве? Могут ли они быть включены в правовую систему или должны действовать извне (та самая шмиттианская проблема властного решения, приостанавливающего действие права лишь для того, чтобы был возможен правовой порядок)? Наконец, можно ли помыслить некий предельный, фундаментальный кризис правопорядка и правовой системы, а если можно, то как его опо-

²⁶ Шмитт К. Диктатура. С. 5.

знать? Каждый из озвученных вопросов требует отдельного обстоятельного исследования и широчайшей научной дискуссии, приглашением к которой можно считать настоящую статью.

Литература

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 485–528.

Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43–54.

Дмитриевский С. М., Гварели Б. И., Чельшева О. А. Международный трибунал для Чечни: правовые перспективы привлечения к индивидуальной уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике: в 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Нижегородский фонд в поддержку толерантности, 2009. 530 с.

Законы вавилонского царя Хаммурапи // История Древнего Востока. Тексты и документы: учеб. пособие / под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. С. 167–190.

Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.

Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 5–223.

Капустин М. Н. Теория права (Юридическая догматика). Т. 1. Общая догматика. М.: Университетская типография, 1868. 390 с.

Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.

Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: Издательство политической литературы, 1969. 203 с.

Муравьев И. А. Законодательное исключение (теория, практика, техника): автореф. дис. ... к. ю. н. Н. Новгород, 2009. 33 с.

Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре: Трактаты / пер. с фр. А. Хяютина, В. Алексеева-Попова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 195–322.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

Суменков С. Ю. Норма права как выражение юридических исключений // Российский юридический журнал. 2009. № 2. С. 17–21.

Толстик В. А. Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции? // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 759–763.

Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во Типографии А. И. Мамонтова, 1917. 227 с.

Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. Д. В. Кузницына. СПб.: Наука, 2005. 326 с.

Шмитт К. Политическая теология: Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология: сб. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. С. 7–98.

Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961. С. 203–284.

Gross O., Ní Aoláin F. *Law in Times of Crisis*. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 516 p.

Heuschling L. Qu'est-ce que, en droit, une «exception»? // *La norme et ses exceptions: Quels défis pour la règle de droit? / Sous la direction de Marthe Fatin-Rouge Stéfanini, Ariane Vidal-Naquet*. Bruxelles: Bruylant, 2014. P. 45–85.

Le Coustumer J.-C. La norme et l'exception. Réflexions sur les rapports du droit avec la réalité // *Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux*. 2007. No. 6. P. 19–28.

Pamparacuato Martín J. En torno a la crisis del derecho // *Revista de Derecho Político*. 2015. No. 92. P. 165–194.

Schauer F. Exceptions // *The University of Chicago Law Review*. 1991. Vol. 58, No. 3. P. 871–899.

References

Dmitriyevskiy S. M., Gvareli B. I., Chelysheva O. A. *Mezhdunarodnyi tribunal dlia Chechni: pravovye perspektivy privlecheniia k individual'noi ugovnoivoi otvetstvennosti lits, podozrevaemykh v sovershenii voennykh prestuplenii i prestuplenii protiv chelovechnosti v khode vooruzhennogo konflikta v Chechenskoii Respublike: v 2 t. T. 1 [International Tribunal for Chechnya: Prospects of Bringing to Justice Individuals Suspected of War Crimes and Crimes Against Humanity During the Armed Conflict in the Chechen Republic, vol. 1]*. Nizhny Novgorod, The Nizhny Novgorod Foundation to Support Tolerance Publ., 2009. 530 p. (In Russian)

Engels F. [The Housing Question]. Marx K., Engels F. *Soch. [Writings]*. Vol. 18. Moscow, Gospolitizdat, 1961, pp. 203–284. (In Russian)

Gross O., Ní Aoláin F. *Law in Times of Crisis*. New York, Cambridge University Press, 2006. 516 p.

Heuschling L. Qu'est-ce que, en droit, une «exception»? *La norme et ses exceptions: Quels défis pour la règle de droit? / Sous la direction de Marthe Fatin-Rouge Stéfanini, Ariane Vidal-Naquet*. Bruxelles, Bruylant Publ., 2014, pp. 45–85.

Ilyin I. A. *O sushchnosti pravosoznaniia [On the Essence of Legal Consciousness]*. Moscow, Rarog Publ., 1993. 235 p. (In Russian)

Kant E. [Religion within the Boundaries of Mere Reason]. Kant E. *Soch. v 8 t. T. 6 [Writings, vol. 6]*. Moscow, Choro Publ., 1994, pp. 5–223. (In Russian)

Kapustin M. N. *Teoriia prava (Iuridicheskaiia dogmatika)*. T. 1. Obshchaia dogmatika [Theory of Law (Juridical Dogmatics)]. Vol. 1. General Dogmatics. Moscow, University typography, 1868. 390 p. (In Russian)

Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave [Pure Theory of Law]*. 2nd ed. Transl. by M. V. Antonov and S. V. Loesov. St. Petersburg, Alef-Press Publishing House, 2015. 542 p. (In Russian)

[Laws of Hammurabi, the Babylonian King]. *Istoriia Drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty: ucheb. posobie [History of the Ancient East. Texts and Documents: Tutorial]*. Ed. by V. I. Kuzishchin. Moscow, Higher School Publ., 2002, pp. 167–190. (In Russian)

Le Coustumer J.-C. La norme et l'exception. Réflexions sur les rapports du droit avec la réalité. *Cahiers de la recherche sur les droits fondamentaux*, 2007, no. 6, pp. 19–28.

Lenin V. I. *Gosudarstvo i revoliutsiia. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revoliutsii [The State and Revolution. The Marxist Theory of the State and The Tasks of the Proletariat in the Revolution]*. Moscow, Political Literature Publ., 1969. 203 p. (In Russian)

Muravyev I. A. *Zakonodatel'noe iskluchenie (teoriia, praktika, tekhnika)*. Avtoref. dis. k. iu. n. [A *Legislative Exception (Theory, Practice, Technics)*. Thesis of PhD dis.]. Nizhny Novgorod, 2009. 33 p. (In Russian)

Pamparacuato Martín J. En torno a la crisis del derecho. *Revista de Derecho Político*, 2015, no. 92, pp. 165–194.

Rousseau J.-J. [The Social Contract, or Principles of Political Right]. Rousseau J.-J. *Ob Obshchestvennom dogovore: Traktaty* [The Social Contract: Treatises]. Transl. by A. Khayutin, V. Alekseyev-Popov. Moscow, TERRA–Knizhnyy klub, KANON–press-C, 2000, pp. 195–322. (In Russian)

Schauer F. Exceptions. *The University of Chicago Law Review*, 1991, vol. 58, no. 3, pp. 871–899.

Schmitt C. [Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty]. Schmitt C. *Politicheskaiia teologiya: sb.* [Political Theology. Collection of Works]. Moscow. KANON–press-C, 2000, pp. 7–98. (In Russian)

Schmitt C. *Diktatura. Ot istokov sovremennoi idei suvereniteta do proletarskoi klassovoi bor'by* [Dictatorship. Diktatura. From the Origins of the Contemporary Sovereignty Idea to the Proletarian Class Struggle]. Transl. by Yu. Yu. Korinets; ed. by D. V. Kuznitsyn. St. Petersburg. Nauka Publ., 2005. 326 p. (In Russian)

Sorokin P. A. *Sotsial'naia i kul'turnaia dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Transl. by V. V. Sapov. Moscow, Astrel Publ., 2006. 1176 p. (In Russian)

Sumenkov S. Yu. Norma prava kak vyrazhenie iuridicheskikh iskluchenii [Legal Norms as an Expression of Juridical Exceptions]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2009, no. 2, pp. 17–21. (In Russian)

Tolstik V. A. Pravovoi totalitarizm: strategiya pravotvorchestva ili dvizhenie po inertsi? [Legal Totalitarianism: Strategy of Lawmaking or an Inertial Motion?]. *Iuridicheskaiia tekhnika* [Juridical Technics], 2015, no. 9, pp. 759–763. (In Russian)

Trubetskoy E. N. *Lektsii po entsiklopedii prava* [Lectures on the Encyclopaedia of Law]. Moscow, A. I. Mamontov Typography, 1917. 227 p. (In Russian)

Vlasenko N. A. Krizis prava: problemy i podkhody k resheniiu [The Crisis of Law: Problems and Solution Approaches]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2013, no. 8, pp. 43–54. (In Russian)

Weber M. [Politics as a Vocation]. Weber M. *Izbrannoe: Protestantskaia etika i dukh kapitalizma* [Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow, St. Petersburg. Humane initiatives center, University book, 2014, pp. 485–528. (In Russian)